

М. О. ГЕРШЕНЗОН

Славянофильство

Славянофильство понимается не всегда одинаково. За границей, и даже в России, его часто смешивают с панславизмом, с непримиримой враждой ко всему западному, с апологией русского государства и русской народности. Между тем собственно славянофильское направление не сводится ни на симпатии к славянам, ни на борьбу с Западом, ни на возвеличение собственной национальности. Все три отмеченные черты в нем имеются, но соединение их своеобразное. Возникло славянофильство в 30-х годах нашего <sic!> века, процветало в 40-х и 50-х. Чтобы уразуметь его сущность и оценить его значение, лучше всего изучать его исторически, то есть указать общие течения, которые подготовили его, особенно внимательно рассмотреть основные положения школы в 30-х и 40-х годах, наконец, объяснить ее распадение после 50-х годов.

Самое общее основание для развития славянофильства дано, конечно, противоположностью между началами общей культуры и национальной самобытности. Эта противоположность чувствуется более или менее во всех культурных странах, сказывается в приверженности англичан, французов, немцев к местным особенностям своего строя и мировоззрения. Тем сильнее чувствуется и сказывается она в России, которая долго развивалась в стороне от главных течений общей культуры, и потому выработала очень резкие особенности.

В Московском государстве XVI в. уже не только существовало сознание такого особого положения, но сложилась даже некоторая историческая теория для его объяснения. Московские книжники в полемике с иностранцами и иноверцами настаивали на передаче Москве правой веры и царской власти от Рима и Византии, и учение о третьем Риме проникло за пределы книжной словесности, стало достоянием народных преданий. Противоположность обострилась, когда России по разным причинам

пришлось пойти в школу к странам более сильным в культурном отношении. Как римляне учились у греков и в то же время порицали греков, как впоследствии англичане, французы восставали против своих учителей — итальянцев, немцы — против своих учителей — французов, так русские протестовали против западного просвещения тем сильнее, чем более приходилось проникаться им.

Уже раскол был стихийным протестом укоренившегося предания против образованности и отвлеченных соображений, на которые наводило влияние чужой культуры. Переворот Петра и последовавшее за ним господство немцев и немецких порядков не могли не отозваться национальной реакцией. Частные возражения и несогласия получили принципиальное обоснование, когда в конце XVIII века оказалось, что культура западных учителей представляет не что-либо несомненное и твердое, а, напротив, переживает какое-то глубокое превращение. Революция, охватившая Европу, ставила для России дилемму: или приходилось признать, что западное движение закономерно, и в таком случае оставалось подражать перестройке политического, социального, духовного быта; или же, если на это не было готово ни правительство, ни общество в России, необходимо было критически отнестись к учителю и освободиться от его авторитета.

Записка Карамзина о древней и новой России¹ представляет русского мыслителя 20-х годов на распутье: он воспитан на европейский лад, недоумевает перед результатами европейской жизни и обращается к русской старине. Политика императора Николая была проникнута враждебностью к европейским идеям, которые породили либерализм и революцию. Под стать официальному порядку образовалась группа историков и публицистов (Уваров, Погодин, Шевырев), которые доказывали, что православие, единодержавие и народность являются неизменными основами русской истории и русской жизни. Но рассуждения этих писателей были явно подсказаны желанием оправдать и возвеличить господствовавший порядок.

Гораздо глубже и оригинальнее сложилось учение славянофилов. Некоторые положения его были сходны со взглядами официальной школы; представителям славянофильства приходилось часто действовать в одних кружках и печататься в одних журналах с Погодиным и Шевыревым, но разница общего мировоззрения, мотивов и наиболее характерных выводов была глубокая, и руководящие люди вполне сознавали ее.

Славянофильские идеи происходили из двух источников: из сознательного углубления в русскую жизнь и из деятельного

участия в развитии общеевропейской мысли; Киреевский, Хомяков, Аксаков, Самарин исходили не просто от данных народной религии и политики, а также от мирового положения философии и общественных наук. В борьбе с Европой они пользовались европейским оружием, и один из главных представителей теории, беспощадный противник немцев в России, сказал, что Германия Канта и Гете — второе отечество для образованного русского (Ю. Самарин). И притом дело было не столько в диалектических упражнениях славянофильской молодежи над русскими глаголами и историей Церкви, сколько в кровном родстве наших мыслителей с вождями западной культуры: если иметь в виду не частные результаты, а настроение и приемы мысли, славянофильство окажется своего рода западничеством, то есть одним из общеевропейских направлений на русской почве. Поэтому при установлении его генеалогии упомянем не только о Византии, расколе, реакции против немецкой выучки, официальной риторике николаевского времени, но также о романтизме и философии Гегеля. И то и другое названия узки, не обнимают сложных явлений, о которых идет речь. Под романтизмом приходится разуть борьбу против рассудочного понимания не только в литературе, но в истории, праве, религии. Рационализм XVIII века и революции принялся за перестройку древних учреждений, воззрений и привычек на началах целесообразности, справедливости, сознательного руководства. Древние порядки оказались, однако, во многих случаях живучими и способными постоять за себя. Практическая реакция сопровождалась знаменательным умственным движением, которое раскрыло значение традиционных форм, психологию народных масс, бессознательный рост учреждений, классов, интересов и привычек, наконец — роль религиозных верований в жизни народов. Иррациональные элементы в истории подчеркивались так же сильно, как прежде подчеркивалось рациональное устройство человеческих дел. Недаром наука о языке создалась в это время — язык являлся самым характерным проявлением народного творчества. От изучения языка Гриммы перешли к верованиям и преданиям, а Савиньи доказывал, что образование права подобно образованию языка. В литературе и философии резко высказывался протест против «сухого просветительного направления», против отвлеченной рассудочности, Шеллинг призывал к художественному творчеству и к религиозному созерцанию. Правда, философия Гегеля отстранилась от крайностей романтики и выработала как бы синтез между рационалистической метафизикой XVII—XVIII вв. с одной стороны, поэтическим созерцанием романтиков с другой. Но, помимо ди-

алектического метода, она оказала могущественное влияние в Германии и за ее пределами своей теорией мирового прогресса, которая дополняла народную психологию романтиков: характер и судьба руководящих народов выступали из случайной ограниченности, становились ступенями развития мирового сознания.

Славянофилы во многом примкнули к указанному движению европейской мысли: они усилили его критическую сторону и обратили ее в обвинение самого европейского развития; они подхватили презрительное отношение к чисто умственной деятельности и сознательному устройению и преклонились перед народным творчеством: в определении постоянных свойств славянской и русской психологии они не отстали от гаданий о свойствах германского духа и не хуже германофилов отыскивали для своего племени и духа почетное место в мировом прогрессе.

Исходные точки зрения резко обозначились в 30-х годах у Ивана Киреевского. Подобно Чаадаеву, он поражен несообразностями и худосочием новой русской культуры, но ищет объяснения не в том, что Россия была устранена от Католической церкви. Болезненная культура так называемой образованной России вытекает из нелепой попытки переделать народное мирозерцание: переделать его так же невозможно, как невозможно пересоздать кости сложившегося организма. Между Россией и Европой лежит пропасть: отличия европейской цивилизации произошли вследствие действия трех факторов, которых не знала Россия, — классического мира, Католической церкви, германского завоевания. И то, и другое, и третье направили европейскую историю к жесткому, рационалистическому пониманию мира. Из классического мира Европа заимствовала, главным образом, римское начало с его холодным эгоизмом и юридическими формами. Римский католицизм — христианство, стесненное духом сухой, формалистической логики. Папская власть, господство Церкви над государством, схоластика — были установлены путем логических выводов. Из того же рационализма произошли, в конце концов, и реформация, и отрицательная критика.

Николай I, Лютер и Штраус — плоды от одного дерева. Государство на Западе возникло из завоевания, и с тех пор держится борьбой, договорами, противовесами и ограничениями. Недостаточность западной культуры очевидна для всякого, кто обратит внимание на ее конечные результаты. Чем объясняется разочарование и недовольство, которые овладевали европейским обществом как раз в то время, когда наука и внешние условия жизни так усовершенствовались? Холодный анализ работал в

течение поколений и, под конец, разрушил самые основания культуры. Самодвижущийся нож разума уничтожил все вокруг себя. История философских систем обозначает периоды этого процесса, который идет от Аристотеля и схоластиков к Канту, Фихте и Гегелю. Заслуга Шеллинга в том, что он обнаружил односторонность логической мысли. Он обращается к религии, и можно сказать, что западное общество ищет религии. Но где ему взять ее? Древняя вера давно подорвана, а новую придумать нельзя.

Русский народ отстал в науке и общественном устройстве благодаря отчуждению от Запада, но он обладает главным — нетронутой народной верой. Его университетами были монастыри, и духовные учителя русского народа всегда понимали, что мысль, не проникнутая чувством, не есть полная мысль, что стремление к истине есть стремление всех сил человеческой природы — разума, чувства и воли — к гармонии. Обязанность образованных людей в России — развить начала, заложенные в народной жизни, вместо того, чтобы относиться к ней свысока.

Если статьи И. Киреевского особенно поучительны, поскольку они раскрывают общие основания славянофильства и его связь с родственными западными течениями, то отдельные стороны учения полнее и сильнее обозначились в трудах Хомякова, Константина и Ивана Аксаковых, Юрия Самарина. Хомяков много занимался богословскими вопросами и выставил законченную *церковную* теорию.

Духовное неустройство европейского общества прежде всего объясняется заблуждениями в понимании и организации Церкви. Учение о Церкви заключается в словах Литургии «возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа»². Единство веры и исповедания основано на нравственном единении любовью. Теоретическое убеждение недостаточно, если оно не сопровождается нравственным чувством. Великий раскол между римским католицизмом и православием произошел вследствие нарушения заповеди любви: латиняне самовольно изменили символ веры и тем самым отвергли братское единение с греками, объявили, что в их глазах весь Восток — собрание рабов в вопросах веры и учения. И во всем остальном сказывается то же уклонение от церковного начала. Для латиняна вопрос о спасении сводится к юридическому расчету между человеком и Богом: на текущем счету верующего значатся его взносы и обязательства; если его капитал недостаточен, он позаимствуется у святых и у Церкви. Утратив любовь как основание церковного единства, латиняне прибегли к единению через закон и власть — отсюда папизм; отсюда стремле-

ние господствовать над государством — их Церковь то же государство; отсюда аристократия духовенства, унизившая мирян и уподобившаяся светской аристократии.

Что касается до протестантов, то у них нет Церкви. То, что они называют Церковью, собрание добрых людей, которые вместе ищут истину, но едва ли надеются ее найти. «Раздор неизбежен, если нет власти для решения догматических вопросов», — говорит папист. «Умственное рабство неизбежно, если каждый обязан быть в согласии с остальными», — говорит протестант. Оба придерживаются силлогизмов и отвергают краеугольный камень Церкви — братскую любовь.

Обращаясь к Восточной церкви, Хомяков настаивает на двух коренных условиях — на соборности и общенародности ее. Истинная Церковь соборна, то есть составляет мистическое целое. Она не подчиняется области или личности, не подчиняется и большинству. Ее целостность таинственно охраняется Благодатью, и потому все разногласия и разномнения должны преклониться перед нею. Всякий свободен рассуждать и искать истину, но перед голосом Церкви истинный христианин не будет настаивать на своем отдельном мнении. Соборная церковь, конечно, состоит не из одного духовенства. Согласно исповеданию восточных патриархов, единство веры поддерживается самим народом, который всегда старался, чтобы вера его была неизменна. В народе широкое основание для соборного единения Церкви, и единственно его убеждение утвердило догматы и указало те соборы и постановления духовенства, которые имеют не случайное, а вселенское значение. Народное начало с его соборной мудростью противопоставляется у Хомякова индивидуальному сознанию и рассуждению.

Та же основная идея проводится славянофилами в виде построения отечественной истории и политики. В законченном виде оно дано у Константина Аксакова. Он выступает против родовой теории древнейшего быта в защиту общинной, потому что в роде господствует родоначальник, а русские племена управлялись собраниями, в которых вождь был лишь председателем. Сельский суд, вече и Земский собор происходят из этого общинного начала. Это не значит, чтобы русское государство когда-либо было республикой или конституционной монархией, эти политические формы возникают в Европе, потому что там народ вмешивается в дела государства и становится государством.

Политические воззрения русского народа иные. Формальная охрана, юридическая организация, суд, войско, тюрьмы, вся принудительная обстановка общественного быта уступлена на-

родом *государству*; земля сохраняет самостоятельность как вольное братство, без которого политический союз оказался бы бездушным механизмом. Сила государства не раздроблена между классами и партиями, а сосредоточена в руках царя; земля, с другой стороны, составляет общину. Без всяких принуждений или ограничений царь обращается к совету народа, выслушивает его мнение в думе или соборе, хотя может действовать по усмотрению. Царь не ограничен в своей власти, а народ свободен в своем мнении. Сближение с Западом исказило этот народный строй. Древние земские учреждения пришли в упадок, столица была перенесена из Москвы в Петербург, вокруг царя выросла немецкая бюрократия. Но возрождение возможно и необходимо: царь вернется в Москву, отчуждение от земли прекратится, народ вновь получит свободу мнения и голоса.

Рассуждения Хомякова и Константина Аксакова кажутся иногда произвольными и далекими от действительности. Ю. Самарин показал, что они могут сделаться основанием для практической политики. Знакомство с русским крестьянством, с одной стороны, с немецкими феодальными порядками, с другой, придало реальное содержание учению об общине. Славянофильская идея о мировом призвании России формулировалась, между прочим, в признании за общинным началом великого будущего. Европейская история обличила неудовлетворительность индивидуализма и простого *laisser faire* *; европейцы стремятся к искусственному и революционному социализму. В основе русского строя лежит община, которую стараются создать на Западе. Деятельность Самарина в редакционных комиссиях и в Польше была практическим приложением этих идей. Славянофилы были всегда сторонниками национальной политики, но как раз в славянском вопросе их взгляды далеко не так ясно выражены и не так однообразны, как многие думают, особенно за границей.

Племенные симпатии не совсем совпадали с религиозными идеями; политические соображения требовали более энергического сосредоточения славянства, чем народно-культурная теория. Если взять показателем основного течения И. С. Аксакова, то дальнейшее развитие славянства должно устранить католицизм из его среды и выдвинуть Россию в положение, которое несовместимо с федерализмом. Дело, однако, не в разрешении практических вопросов, а в общей теории, которая сложилась в законченное целое. Критика западного развития сводилась к

* Невмешательство (*фр.*). — *Ред.*

обвинению его в односторонней рассудочности. Характерным свойством русской народности была признана братская, любовная общинность в Церкви и в обществе. В шестии мирового прогресса русский народ считался призванным заменить царство рассудочности и эгоизма гармоническим развитием способностей и общинностью. Многие положения славянофильства представляли сознательную защиту русской жизни в ее различных проявлениях, и в этом смысле они находили и впредь будут находить приверженцев. Православие, царская власть, сельская община, право народа на свободу мнения, борьба против механических заимствований и исключительной государственности занимают видное место в сочинениях славянофилов, и можно сказать, что вклад славянофильской школы в духовное достояние России очень значителен.

Отпечаток славянофильских мнений заметен на воззрениях современных реакционеров и либералов, народников и мистиков. Но славянофильство как целое, как общая теория, давно разложилось. Оно выросло на почве романтизма и распалось вместе с ним. Осуждение рассудочности, неизменность национальной личности и всемирно-историческая смена руководящих народностей были коренными идеями славянофильства, и все эти идеи в настоящее время представляются односторонними и преувеличенными. Борьба с рационализмом была своевременна и законна, но она увлекла славянофилов в преклонение перед иррациональным, в равнодушие к умственному прогрессу, и потому научное движение XIX века обратилось против славянофилов и подобных им романтиков. Учение о народном духе выдвинуло психологические условия исторической жизни в противоположность попыткам механического устройства, но в руках славянофилов народная психология сделалась учением о постоянных типах, и потому эволюционное направление современной мысли обратилось против него. Идея всемирно-исторической преемственности содействовала уяснению связи между различными государствами и национальностями, но славянофилы пользовались ею, чтобы установить мессианизм избранных народов, и потому против них обратилось социологическое изучение истории. Славянофильство является самым законченным выражением романтического мирозерцания, а его судьба дает прекрасный пример диалектического развития общественных теорий.

